

Берлинский конгресс в публицистике О. А. Новиковой

Аннотация. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия испытывала колоссальное информационное давление со стороны западной прессы. В частности, британские издания не просто критиковали все шаги России в ходе этой кампании (от военных действий на территории Османской империи до действий российской дипломатии на Берлинском конгрессе), но и искажали некоторые данные в целях компрометации действий России и сокрытия бесчинства турок. О. А. Новикова, русская публицистка, пыталась убедить английскую политическую элиту и общественность в правомерности действий России. Более того, Новикова стремилась привлечь английских либералов действовать в интересах России для укрепления мира на Балканах. Публицистка остро критиковала статьи Берлинского конгресса, которые перечеркнули значение побед русской армии и не учитывали в полной мере интересы славянских народов. Особенно ее волновала проблема разделения Болгарии на несколько частей, что в дальнейшем вылилось в острый политический кризис 1885–1886 гг. Кроме того Новикова подчеркивала неправомочность оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и дальнейшего присоединения этой территории к империи Габсбургов, она считала это действие прямым нарушением условий Берлинского трактата. Предвидя такие последствия Берлинского конгресса, О. А. Новикова как в публицистике, так и в личных беседах критиковала действия российской дипломатии, считая их нерешительными и безыдейными.

Ключевые слова: Берлинский конгресс, Восточный вопрос, О. А. Новикова, У. Гладстон, И. С. Аксаков, Б. Дизраэли, Александр III, Босния и Герцеговина, Сан-Стефанский договор, Восточная Румелия.

Abstract. During the Russo-Turkish War of 1877–1878 Russia was under tremendous informational pressure from the Western press. The British press in particular not only criticised all steps that Russia undertook during this campaign (from military operations in the Ottoman Empire to the activity of Russian diplomacy at the Congress of Berlin), but also misrepresented some facts with the aim of discrediting Russia's operations and to conceal Turkish revelries. O. A. Novikova, a Russian publicist, had attempted to convince the English political elite and public opinion of the legitimacy of Russia's actions. Furthermore, Novikova sought to persuade English liberals to act in the interest of Russia in solidifying peace in the Balkans. The publicist severely criticised the articles of the Congress of Berlin, which undid the significant victories of the Russian army and belittled the interests of the Slavs. She was especially concerned about the question of Bulgaria's repartition into several parts which in the future developed into the acute political crisis of 1885–1886. Additionally, Novikova emphasized the illegality of the occupation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary and the consequent annexation of that territory to the Empire of the Habsburgs – she regarded this action as a direct violation of the conditions of the Congress of Berlin. Foreseeing the consequences of the Congress of Berlin, Olga Alekseevna Novikova, both in the press and in personal interviews, criticised the actions of the Russian diplomacy regarding them as irresolute and ideologically uncommitted.

Keywords: Congress of Berlin, the Eastern Question, O. A. Novikova, W. Gladstone, I. S. Aksakov, B. Disraeli, Alexander III, Bosnia and Herzegovina, Treaty of San Stefano, Eastern Rumelia.

Накануне Берлинского конгресса английская общественность была недовольна поражением дружественных ей турок, и шквал ее негодования был обрушен на русских, которых англичане называли жестокими и бессердечными. Ольга Алексеевна Новикова, русская писательница и публицистка, предприняла в британской прессе кампанию с целью убедить английскую общественность в намерениях России урегулировать славянский вопрос мирными

путями. Она критиковала действия английского правительства, подогревавшего милитаристские настроения в обществе. Более всего ее поразило тот факт, что премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли хотел использовать 6000 сипаев (солдат из колониальной Индии, рекрутировавшихся из местного населения) для демонстрации России степени своей боевой готовности [1, 92]. В целом Англия имела на тот момент в распоряжении резерв в 40 000 человек и 6000 сипаев.

После подписания Берлинского трактата критика в адрес России в Англии не утихла. В британской прессе продолжали упрекать русских солдат в якобы жестоком поведении во время войны [2, 309–310]. Ольга Алексеевна писала о необоснованности подобных инсинуаций [2, 310]. Однако не только консерваторы вменяли России в вину жестокое ведение войны. Так, в своем письме к Новиковой лидер либералов и ее друг Уильям Гладстон 29 августа 1878 г. написал о том, что он получил неприятные вести о «русских зверствах» в Болгарии и не знал, насколько они достоверны [2, 310–311]. Сомнения Гладстона, безусловно, огорчили Новикову, полагавшуюся на беспристрастность своего друга.

Новикова старалась убедить английских либералов в необходимости выступить против Берлинского трактата. В частности, она обсуждала положения трактата с лордом Дафферином, британским послом в России, и убедилась в том, что лорд не только был намерен поддерживать Берлинский трактат, но также требовал его исполнения Россией [3, 15–16]. Попытки Ольги Алексеевны изменить отношение либералов к Берлинскому трактату оказались тщетными. Доверие Новиковой к Англии явно было подорвано. Ольга Алексеевна обвиняла Англию и Австрию в том, что они лишили славян свободы, за которую русские солдаты проливали кровь [4, 15]. Гнев Новиковой был направлен против не только англичан, но и русских дипломатов, которые «с самого начала осмеивали наши (славянофильские. – Ф. Т.) устремления и лишили наших ожиданий» [4, 14]. (Новикова, как и остальные представители русской общественности, не знала о том, что Россия по Рейхштадтскому (1876) и Будапештскому (1877) соглашениям обещала Боснию и Герцеговину Австрии.) Судя по всему, в Британии Новикова была одинока в своем отношении к Берлинскому трактату. Даже Уильям Гладстон, лидер английских либералов и друг Ольги Алексеевны, на которого она всегда возлагала надежды, смирился с этим соглашением [3, 17]. Интересное замечание по поводу позиции Гладстона после русско-турецкой войны сделал историк Джозеф Байлен. По его мнению, Гладстон, желая продемонстрировать, что он не был прорусски настроен, старался избегать Новикову [5, 270]. Более того, Гладстон в своей работе «The Friends and foes of Russia» высказал неодобрение «деспотическим прошлым» России [6, л. Зоб.–4].

Новикова считала, что на Берлинском конгрессе Англия стремилась лишить славян свобо-

ды, которую ей обещала Россия. Ольга Алексеевна утверждала, что энтузиазм русского общества в славянском вопросе и его сострадание к участи славян не убавились и после конгресса [1, 97]. Новикова отмечала возмущение общественности в России, вызванное сообщениями об ущемлении интересов южных славян на конгрессе в Берлине. Она процитировала речь русского публициста и общественного деятеля И. С. Аксакова, произнесенную 22 июня 1878 г. в Московском славянском благотворительном обществе [1, 98]. Новикова была убеждена в том, что Аксаков выразил общественное мнение. Его речь, произнесенная в июне 1878 г. во время Берлинского конгресса, стала политической сенсацией. Он назвал согласие России на раздел Болгарии и передачу части ее территории под власть Турции историческим предательством, изменой долгу и призыванию России [7, 516]. Речь Аксакова продолжали обсуждать в Европе и через несколько лет после ее произнесения. В газете «The Pall Mall Gazette» 30 ноября 1880 г. вышла статья, посвященная Аксакову и его газете «Русь». В статье восхвалялись заслуги Аксакова как главы славянофильской партии и его знаменитая речь, адресованная русскому правительству и произнесенная после Берлинского конгресса [8, л. 1а]. В начале своего выступления Аксаков обратился к аудитории со словами: «Не опять ли хоронить собрались мы сегодня <...> миллионы людей, целые страны, свободу болгар, независимость сербов, хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совесть?» [7, 513]. Он осуждал русских дипломатов за их согласие на расчленение освобожденной Болгарии на три части, из которых лишь одна получала относительную независимость. Необходимо отметить, что Иван Сергеевич был информирован о реальной расстановке сил в Европе не хуже русских военных и дипломатов. Он знал, что реально к войне западные государства не были готовы и ситуация 1854 г. не могла повториться. То есть Аксаков не без основания считал, что уступки русской дипломатии не были оправданными. Он посвятил заключительную часть речи 22 июня императору Александру II. Иван Сергеевич говорил: «Что бы ни происходило там, на конгрессе, как бы ни распиналась русская честь, но жив и властен ее венчанный оберегатель, он же и мститель. Если в нас при одном чтении газет кровь закипает в жилах, что же должен испытывать царь России, несущий за нее ответственность перед историей? Не он ли сам назвал дело нашей

войны “святым”? <...> Россия не желает войны, но еще менее желает позорного мира. <...> Долг верноподданного велит всем нам надеяться и верить – долг же верноподданных велит нам не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающих средостения между царем и землей, между царской мыслью и народной думой» [7, 517]. Аксаков прекрасно осознавал, что общественное недовольство Берлинским конгрессом будет направлено непосредственно на государя, и поэтому не хотел, чтобы антирусские силы использовали его критику промахов царских министров.

Речь Аксакова произвела резонанс и в России. Кн. В. П. Мещерский, издатель журнала газеты «Гражданин», напечатал ее в специальном прибавлении к своему изданию, из-за чего оно было временно приостановлено цензурой. К. П. Победоносцев – на тот момент член Государственного совета – назвал речь Аксакова одной «из лучших вещей, написанных Ив[аном] Сергеевичем» [9, л. 8]. Сам Иван Сергеевич послал текст своей речи в Прагу, где она сразу же появилась в чешских газетах, и вскоре речь Аксакова начали обсуждать по всей Европе. Реакция правящих кругов в России не заставила себя ждать. Сначала московский генерал-губернатор объявил Аксакову строгий выговор, а затем его сместили с поста председателя Московского Славянского комитета. Наконец, сам Славянский комитет был упразднен, а Аксаков выслан из Москвы. Удаление Аксакова из Москвы Новикова считала большой ошибкой [2, 305]. В своем письме от 13 июля 1878 г. к Гладстону она настойчиво рекомендовала ему прочитать речь Аксакова: «Пожалуйста, прочтите ее, если хотите знать, почему вся Москва чувствует себя такой же несчастной, как я» [2, 300].

Ольга Алексеевна не могла оставаться в стороне от происходивших событий и в связи с подписанием Берлинского трактата опубликовала статью «Лорд Солсбери как “добрый вестник”», которая вызвала в английских кругах резонанс. Так, даже издание «Vanity Fair» напечатало отзыв об этой статье [3, 23–24]. В своей работе Новикова нелестно отозвалась о лорде Солсбери – министре иностранных дел Великобритании. 17 октября 1878 г. он выступил с речью на собрании представителей тори. По его мнению, залогом мира и стабильности в Европе было усиление Австрии. Слухи о заключенном между Австрией и Германией договоре об обороне Солсбери считал «хорошей вестью о великой

радости» [1, 123]. Новикова была возмущена не столько содержанием этой новости, сколько явно проступавшими в речи министра угрозами в адрес России. Кроме того, Ольга Алексеевна отмечала, какое огромное значение Солсбери придавал отношениям с Германией [1, 127]. Договор между Австрией и Германией означал конец Союза трех императоров, чего так давно хотела Великобритания. Новикову не огорчала вероятность такого поворота событий – напротив, она считала, что это освободило бы Россию от многих обязательств и развязало бы ей руки [1, 129].

Что же касалось положений самого Берлинского трактата, то Ольга Алексеевна, безусловно, их критиковала. В особенности Новикову задевало «предательство Южной Болгарии». По условиям Берлинского трактата Болгария делилась по линии Балканского хребта на две части – северную и южную. Северная Болгария была объявлена вассальным княжеством, выплачивающим дань Турции. Болгарские земли к югу от Балкан получали название Восточной Румелии и возвращались под власть Порты [10, 183]. Новикова упрекала и английских либералов в том, что они согласились на «порабощение» Южной Болгарии [2, 304]. Ольга Алексеевна осуждала за это Гладстона, который ничего не предпринял, чтобы не допустить такого развития событий. Новикова даже осмелилась высказать свою точку зрения самому канцлеру князю Горчакову. У них состоялся разговор в поезде в июле 1878 г. Новикова решительно отстаивала свою позицию. Горчаков же оправдывал официальную позицию в отношении Южной Болгарии тем, что самое главное – это интересы России (то есть в данном случае не допустить войны), а не славян. Горчаков был оскорблен резким тоном Новиковой и обвинил ее в отсутствии благоразумия и осторожности. Интересны слова Новиковой в ответ на негодование, с которым на нее обрушился канцлер. Ольга Алексеевна не стала отрицать, что является агентом, в чем ее не прекращали обвинять, и объявила, что она агент «свой собственный» [2, 307]. Выдающийся русский военачальник М. Д. Скобелев разделял взгляды Новиковой на судьбу Южной Болгарии. «Политика нас возмущает, – писал он. – Два года мы обливали своей кровью Балканский полуостров. Братья наши убиты, страна наша принесла неизмеримые жертвы, вдовы горюют, дети плачут, отцы лишились сыновей, в которых была их надежда. Все это мы перенесли бы с терпением, которое Бог нам дает, если бы полная свобода, до-

бытая нами нашим братьям по крови и религии, по наречию и вере, была им дана. Но проклятая дипломатия вмешивается и говорит нет; только меньшая половина будет свободная, а большая возвращена будет нежному милосердию турок. Вы сами знаете, что такое турки были, суть и будут, и не были бы вы на нашем месте преисполнены злобы за то, что все наши жертвы напрасны, что люди, над могилами которых мы ходим, погибли ни за что?» [2, 308]. Новикову сильно возмутили распространявшиеся английской прессой обвинения русских в якобы учиненных ими в Болгарии зверствах [2, 309]. Гладстон в своем письме к Новиковой от 29 августа 1878 г. заявил о том, что его возмущают подобные необоснованные обвинения в адрес русских, но его удивляет и тот факт, что русские ничего не предпринимают для опровержения этих слухов [2, 310–311].

По мнению Новиковой, англичане глубоко заблуждались в том, что относили Македонию не к славянской, а к греческой территории [1, 116]. На самом деле англичан не заботила судьба юго-западной части Болгарии. Так, после конгресса, зная о продолжавшихся злодеяниях турок на территории Македонии, англичане бездействовали [1, 115]. Новикова недоумевала, как Англия могла порицать Болгарию за попытки освободиться от турецкого ига. Ведь в свое время разные народы поднимались на борьбу против своих поработителей. Греки и румыны, например, были услышаны. Новикова обращала внимание на жалобу представителей македонских болгар, которую они направили послам великих держав в Константинополь, о претворении в жизнь 23 статьи Берлинского конгресса. Согласно этой статье Турция обязывалась провести реформы в европейской части своих владений с учетом интересов каждой провинции и под надзором европейской комиссии. Новикова была убеждена, что данная статья останется лишь на бумаге, пока Турция будет владеть славянскими землями [1, 119].

По мнению русской публицистки, Дизраэли вершил судьбу славян не иначе как от имени всей Англии, а Англия, в свою очередь, сочла «непатриотичным» оказать поддержку восставшим славянам и молча реагировала на все происходящее. Более того, западные державы были убеждены в том, что проблемы, проявившиеся после конгресса в Восточной Румелии и Болгарии, в очередной раз свидетельствовали о неспособности болгар к самоуправлению. Новикова придерживалась обратного мнения. Она

считала, что проблемы в Болгарии и Восточной Румелии явились естественным следствием Берлинского конгресса. Разделение Болгарии на несколько частей, с точки зрения Ольги Алексеевны, было неблагоприятным, так как наиболее просвещенная и трудолюбивая часть населения лишилась возможности самоуправления [1, 155]. Ольгу Алексеевну, как и Скобелева, приводило в негодование то, что европейцы отняли у балканских народов результаты их побед [11, 19]. Более того, англичане стали обвинять во всех бедах, в том числе и в восстании в Румелии, несуществующие русские секретные общества.

Помимо болгарского вопроса Новикову возмущало согласие Европы на аннексию Боснии и Герцеговины. Английский журналист Уильям Стэд называл Ольгу Алексеевну «неутомимым, твердым и бесстрашным противником австрийских узурпаций» [3, 99]. В своих работах «Скобелев и славянский вопрос», «Кризис в Сербии», «Австрия и Россия», «Бедная Австрия» Ольга Алексеевна писала о несправедливости австрийских узурпаций. По ее словам, славяне ненавидели Австрию за преследования, религиозные гонения и другие притеснения. В своей статье «Бедная Австрия», опубликованной в «The Pall Mall Gazette» 7 февраля 1888 г. (публицистка продолжала писать о последствиях Берлинского конгресса – в частности, об оккупации и аннексии Боснии и Герцеговины – на протяжении многих лет, вплоть до 1908 г.; по ее мнению, именно решения, принятые на Берлинском конгрессе, привели к присоединению Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии), Новикова отмечала, что Россия следовала условиям Берлинского трактата, чтобы не нарушать мир, однако она не может допустить, чтобы «Австрия стала тюремщиком для православных народов от Дуная до Эгейского моря» [3, 106]. С одной стороны, Ольга Алексеевна осознавала, что Россия была вынуждена соглашаться с условиями Берлинского трактата для сохранения мира. В своей статье «Слово предостережения и ободрения» Новикова подчеркивала: «Всякий, кто колеблется употребить все меры, чтобы сохранить мир, преступник. Молчать – значит иногда потворствовать беззаконию и этим поощрять к войне» [3, 107]. Но с другой стороны, она считала, что для поддержания мира приемлемы далеко не все меры.

После объявления Австрией в октябре 1908 г. о присоединении Боснии и Герцеговины Ольга Алексеевна написала два письма в английские газеты, в которых выразила недовольство

по поводу того, что Австрия не согласовала свои действия со странами, подписавшими Берлинский трактат. Новикова была убеждена в необходимости выслушать жалобы подданных Боснии и Герцеговины на своих притеснителей. Она не переставала писать о бесцеремонном отношении Австрии к присоединенным славянам [3, 107]. Новикова была солидарна со Скобелевым в том, что только Германия имела возможность повлиять на Австрию в вопросе аннексии Боснии и Герцеговины [11, 370–371]. Однако Бисмарк бездействовал, и это возмущало не только Новикову и все славянофильское сообщество, но даже далеких от этого круга представителей русской прессы. Так, «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Не потратив ни одного патрона, он (т. е. Бисмарк. – Ф. Т.) добился политической комбинации, которую всегда считал необходимою для обеспечения созданной им единой Германии» [12]. В русском общественном мнении преобладало однозначно неодобрительное восприятие решений Берлинского конгресса. Русскую делегацию обвиняли в согласии на недопустимые уступки, критиковали поведение Бисмарка. Однако заслуживают внимания противоположные взгляды – с одобрением решений конгресса. Так, Б. Н. Чичерин обосновывал необходимость уступок России на конгрессе и выступал против тех, кто порицал действия русской делегации. Н. С. Киняпина справедливо отмечала, что при бесспорных преимуществах Сан-Стефанского договора перед Берлинским трактатом условия Сан-Стефано опережали события: «...они предлагали такое решение Восточного вопроса, которое было чревато новой войной. Внутренние ресурсы страны, военная и финансовая слабость государства, международная изоляция вынуждали русское правительство отказаться от широких завоевательных планов в ходе войны и занять примирительную позицию на конгрессе» [10, 189].

Новикова снова поднялась на борьбу с предубеждениями англичан относительно балканской политики России, когда те начали обвинять Россию в стремлении аннулировать решения Берлинского конгресса. 4 декабря 1885 г. она опубликовала в «The Pall Mall Gazette» статью «The “True truth” about the Balkan War». В ней Ольга Алексеевна упомянула о состоявшейся в 1884 г. встрече императоров в Скерневицах по поводу будущего Балканского полуострова. На этой встрече, со слов Новиковой, было установлено, что Австрия не должна была

рассматривать объединение Болгарии и Восточной Румелии как нарушение условий Берлинского трактата, при условии что воссоединение последовало бы с согласия России. Австрия, однако, могла формально аннексировать территорию Боснии и Герцеговины, как только было бы провозглашено объединение Болгарии под эгидой России. Россия же, со слов Новиковой, имела все основания рассматривать высадку австрийских войск на сербской территории как объявление войны. Ольга Алексеевна написала о том, что министр иностранных дел России Н. К. Гирс встречался осенью 1885 г. во Франценсбаде с болгарским князем Александром и тот заверил Гирса в отсутствии движения в сторону объединения. Однако через месяц князь Александр объявил об объединении в Филиппополе, что, безусловно, привело к нападкам со стороны Австрии и Германии на российское правительство. Новикову более всего возмущали обвинения в адрес Александра III в том, что он якобы обманул своих союзников и, когда объявлял в Кремзире о своей уверенности в сохранении Берлинского трактата, он якобы на самом деле замыслил с князем Александром полное его упразднение. Ольга Алексеевна утверждала, что Александру III чужды вероломство и обман. По ее мнению, любой, кто знает императора, может подтвердить его честность и принципиальность. Новикова считала, что вероломно поступил как раз князь Александр, и рассказала, какие шаги предпринял Александр III, чтобы успокоить союзников и предотвратить войну, в которую могли быть вовлечены Сербия и Греция. Во-первых, были немедленно отозваны русские офицеры, состоявшие на болгарской службе, так как князь Александр намеревался отправить их в Восточную Румелию. Во-вторых, было потребовано восстановление статус-кво. Болгарский патриарх слезно просил императора дать согласие на объединение. Однако, со слов Новиковой, император выразил свое сочувствие болгарскому объединению, но вместе с тем отказался от такого шага из-за соглашения с союзниками. Австрия же в это время готовила Сербию к войне с Болгарией. Александр III тщетно пытался убедить князя Александра восстановить статус-кво. Последнего, как считала Новикова, подстрекала к сопротивлению и британская оппозиция. В конце концов сербской армии было приказано двинуться на Софию. По мнению Новиковой, Россия не могла запретить Австрии потворствовать этому опасному пред-

приятно, поскольку Австрия в таком случае имела бы основание обвинить Россию в том, что она не предотвратила взрыв в Восточной Румелии. Но даже при таком раскладе Россия, полагала Новикова, не могла допустить аннексию территории Болгарии [13, л. 198]. В конечном итоге вмешательство Австрии вынудило князя Александра заключить перемирие. В ответ на статью Новиковой 7 декабря 1885 г. в «The Pall Mall Gazette» вышла заметка некоего «Е. Н.», усомнившегося в честности Александра III, о которой писала Ольга Алексеевна [13, л. 199]. В свою очередь, Новикова 9 декабря 1885 г. написала в тот же журнал о том, что обвинения в адрес императора по поводу нарушения данного им обещания абсурдны. Россия поддерживала порядок в Болгарии, пока это было возможно. А когда Петербург уже не мог сдерживать объединение Болгарии, он сообщил об этом союзникам. Новикова была убеждена в том, что Россия стремилась сохранить Берлинский трактат [13, л. 200].

Статья Новиковой «The “True truth” about the Balkan War» вызвала бурные дискуссии в британской прессе. В «Nottingham Journal», «Northampton Chronicle», «Hammersmith Reporter», «Newark Herald», «Middlesex Mercury» писали о том, что Новикова сказала о вероломстве болгарского князя Александра, однако не упомянула о попытках российских агентов в Болгарии подорвать его положение [13, л. 203–208, 213–214, 227–228]. Петербургское «Новое время» в декабре 1885 г. сообщило о том, что «Journal de St.-Petersburg» указал на недостоверность одной детали, сообщенной Новиковой в ее статье: «Автор говорит, что когда князь Александр после одержанных им побед намеревался перенести театр войны в Сербию, Австрия – по инициативе России – вмешалась в дело и заставила князя Александра заключить перемирие. Это ошибка. Такой почин со стороны России проявился при самом вступлении сербских войск на болгарскую территорию, и он имел целью немедленно положить конец кровопролитию» [13, л. 252]. Следует отметить, что «Journal de St.-Petersburg» опровергал лишь один факт, приведенный Новиковой. Все же остальные пункты статьи Новиковой негласно были признаны достоверными. В ответ на заметку о статье Новиковой в «Journal de St.-Petersburg» поступило любопытное «Письмо в редакцию», автор которого подчеркивал правильность суждений Новиковой, но вместе с тем указывал и на некоторые ее заблуждения. В частности, отмечалось, что вы-

сказывания Новиковой относительно предполагаемого образа действий России по отношению к Болгарии преждевременны: «Нет надобности быть посвященными в тайны дипломатии, для того чтобы заявить, что заботливость правительства нашего Государя к болгарскому народу остается и останется и впредь неизменной и что ничто не может быть так далеко от Его мысли, как привлечение этого народа к ответственности за вину тех, кто заставил его ринуться в эти опасные приключения. Из этого можно вывести заключение, что русское правительство не отвергнет, конечно, никакого решения, которое может одновременно удовлетворить законные пожелания братского народа, спокойствие Востока и европейский мир» [13, л. 261об.].

Для выяснения позиции британских политиков по данному вопросу следует обратиться к письму Новиковой к редактору «Руси». Ольга Алексеевна сообщила, что в Британии бытует мнение, будто «королева Виктория в надежде возвысить юный дом Баттенбергов обещала князю Александру свою поддержку» [13, л. 259об.]. По мнению Новиковой, королева могла повлиять на ход событий в Болгарии. Что же касается друга Ольги Алексеевны Гладстона, то ему, по ее словам, пришлось отдать должное лорду Солсбери. И Солсбери, и Гладстон говорили в угоду публике о необходимости сдержат завоевательные устремления России, однако – и Новикова была убеждена в этом – в Британии образованные люди не верят в завоевательную политику России [13, л. 259об.–260]. В своем письме Ольга Алексеевна также опровергала слухи о предполагаемом союзе между Англией и Австрией: «Никогда и нигде еще не нападали так единодушно на Австрию, как теперь в Англии» [13, л. 260].

Анализ публицистических работ О. А. Новиковой, посвященных оценке Берлинского конгресса, позволяет заключить, что ее деятельность была направлена прежде всего на рассеивание предубеждений британского общества относительно России. Поборница сближения обеих империй, Новикова пыталась убедить английскую общественность в намерениях России решить славянский вопрос мирными путями. Она стремилась пробудить доверие к российской политике в Англии, с одной стороны, и к политике английских либералов в России – с другой. Публицистка много печаталась в английской прессе, встречалась и вела переписку с общественными и политическими деятелями, в том числе и с отечественными. В Англии Нови-

кову подозревали в том, что она якобы являлась русским агентом. Но это не соответствовало действительности, так как она постоянно критиковала русскую дипломатию и была недовольна ее безыдейностью. Ольга Алексеевна подвергалась нападкам со стороны не только англичан, но и своих соотечественников. Усилия Новиковой не были напрасными: своей деятельностью она продемонстрировала пример успешной неофициальной дипломатии эпохи Восточного кризиса и времени после его завершения.

После изменения политической ситуации в начале XX в. стали другими и отзывы в прессе о деятельности Новиковой в деле выстраивания неформальной дипломатии. В «Daily News» говорилось, что Ольга Алексеевна на протяжении почти 10 лет оказывала большее влияние на ход национальной политики, чем любая другая женщина [14, 8]. «Daily Telegraph» назвала Новикову «одной из самых выдающихся женщин своего поколения» [14, 8]. Безусловно, нельзя переоценивать роль пропагандистской деятельности Ольги Алексеевны, ибо она не могла изменить сложившуюся традицию негативного восприятия

России в Великобритании. Однако бесспорным является то, что Новикова смогла наладить отношения с ведущими представителями интеллектуальной и политической элиты Великобритании, изменившими – благодаря активной деятельности русской публицистки и общению с ней – свое мнение о России. В своих воспоминаниях П. Д. Боборыкин очень ярко и образно сказал об этой миссии Новиковой: «Россию представляла довольно долго в лондонских политических и литературных салонах и одна дама, пишущая под инициалами О. К., довольно известная и у нас. Едва ли она была не единственная русская, завязавшая обширные знакомства в разных сферах Лондона, начиная с самых высших. До сих пор рассказывают про ее приятельство с Гладстоном и многими другими его сверстниками по политической борьбе. Может быть, этой представительнице русского охранительного патриотизма мы обязаны тем, что “великий старец” (имеется в виду У. Гладстон. – Ф. Т.) заинтересовался многими сторонами русской жизни и во внешней политике держал нашу руку больше, чем его предшественники» [15, 317].

Библиография:

1. Novikova O. Russia and England from 1876 to 1880. A protest and appeal. London: Longmans, Green and Co, 1880. 398 p.
2. Депутат от России (Воспоминания и переписка О. А. Новиковой). Т. 1. СПб.: Электротипография Н. Я. Стойковой, 1909. 312 с.
3. Депутат от России (Воспоминания и переписка О. А. Новиковой). Т. 2. СПб.: Типография П. Усова, 1915. 220 с.
4. О. К. [Novikova]. Friends or Foes? London: P. S. King, 1878. 85 p.
5. Baylen J. O. Madame Olga Novikov, Propagandist // American Slavic and East European Abstract. 1951. Vol. 10. № 4. P. 255–271.
6. Gladstone W. E. The Friends and foes of Russia // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. К. 36116. Д. 21.
7. Москва – Сербия. Белград – Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М.: Архив Сербии, ГАУ Москвы, ГАРФ, 2011. 940 с.
8. Аксаков И. С. Письма к О. А. Новиковой // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. К. 8337а. Д. 5.
9. Рачинский С. А. Письма к Е. Ф. Тютчевой // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 230. К. 4408. Д. 13.
10. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 280 с.
11. О. К. [Olga Kireeva]. Scobeleff and the Slavonic cause. London: Longmans, Green and Co, 1883. 421 p.
12. Санкт-Петербургские ведомости. 1878. 26 июня (8 июля).
13. Статьи и заметки по международным вопросам и отзывы о ее литературной и общественной деятельности и др. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5.
14. Novikova O. Russian memories. New York: E. P. Dutton & Company, 1916. 310 p.
15. Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2. 670 с.

References (transliterated):

1. Novikova O. Russia and England from 1876 to 1880. A protest and appeal. London: Longmans, Green and Co, 1880. 398 p.
2. Deputat ot Rossii (Vospominaniya i perepiska O. A. Novikovoi). T. 1. SPb.: Elektrotipografiya N. Ya. Stoikovoi, 1909. 312 s.
3. Deputat ot Rossii (Vospominaniya i perepiska O. A. Novikovoi). T. 2. SPb.: Tipografiya P. Usova, 1915. 220 s.
4. O. K. [Novikova]. Friends or Foes? London: P. S. King, 1878. 85 p.
5. Baylen J. O. Madame Olga Novikov, Propagandist // American Slavic and East European Abstract. 1951. Vol. 10. № 4. P. 255–271.
6. Gladstone W. E. The Friends and foes of Russia // Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 126. K. 3611b. D. 21.

7. Moskva – Serbiya. Belgrad – Rossiya: Sbornik dokumentov i materialov. T. 2: Obshchestvenno-politicheskie svyazi 1804–1878 gg. Belgrad; M.: Arkhiv Serbii, GAU Moskvyy, GARF, 2011. 940 s.
8. Aksakov I. S. Pis'ma k O. A. Novikovoi // Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 126. K. 8337a. D. 5.
9. Rachinskii S. A. Pis'ma k E. F. Tyutchevoi // Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 230. K. 4408. D. 13.
10. Kinyapina N. S. Vneshnyaya politika Rossii vtoroi poloviny XIX veka. M.: Vysshaya shkola, 1974. 280 s.
11. O. K. [Olga Kireeva]. Scobelev and the Slavonic cause. London: Longmans, Green and Co, 1883. 421 p.
12. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1878. 26 iyunya (8 iyulya).
13. Stat'i i zametki po mezhdunarodnym voprosam i otzyvy o ee literaturnoi i obshchestvennoi deyatelnosti i dr. // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. F. 345. Op. 1. D. 5.
14. Novikova O. Russian memories. New York: E. P. Dutton & Company, 1916. 310 p.
15. Boborykin P. D. Vospominaniya: V 2-kh t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. T. 2. 670 s.